

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 76–80. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 76–80. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

EDN PSOUZA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-76-80>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЗЫ В.Я. ИРЕЦКОГО В СБОРНИКАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Семенова Мария Геннадьевна, Псковский государственный университет, Псков, Россия, m.g.sem@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5621-7845>

Аннотация. Данная статья посвящена художественной специфике малой прозы В.Я. Ирецкого, вошедшей в сборники Дома литераторов и Петроградского отделения Союза писателей России в 1922 г. и ранее не подвергавшейся научному осмыслению. Тексты не только свидетельствуют о развитии двух тематико-стилистических линий творчества Ирецкого 1910-х гг. на послереволюционном материале, но и позволяют заключить, что их автор выступил заметной фигурой отечественной литературы начала 1920-х гг. Выявлено, что реалистическое повествование о современности и «гравюры» о прошлом, отразившие актуальную проблематику и ставшие одной из причин высылки прозаика из России на одном из «философских пароходов» в 1922 г., идейно и стилистически соотносятся с произведениями Е.И. Замятина, А.М. Ремизова, Б.А. Пильняка, В.В. Иванова, М.А. Булгакова и других его современников.

Ключевые слова: Дом литераторов, Ирецкий, Петроградское отделение Союза писателей России, русская литература 1920-х гг., тема русской революции.

Для цитирования: Семенова М.Г. Художественное своеобразие прозы В.Я. Ирецкого в сборниках петербургских писателей // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 4. С. 76–80. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-76-80>

Research Article

THE ARTISTIC ORIGINALITY OF VIKTOR IRETSKIY IN THE COLLECTIONS OF PETERSBURG WRITERS

Mariya G. Semenova, Pskov State University, Pskov, Russia, m.g.sem@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5621-7845>

Abstract. This article is devoted to the artistic specificity of Viktor Iretskiy, which had been included in the collections of the House of Writers and Petrograd branch of the Union of Writers of Russia in 1922 and was not previously subjected to scientific comprehension. The texts not only testify to the development of two thematic and stylistic lines of Viktor Iretskiy's work in the 1910s based on post-revolutionary material, but also allow us concluding that their author was a prominent figure in Russian literature of the early 1920s. It is revealed that the realistic narrative about the present and the "engravings" about the past, which reflected the current issues and became one of the reasons for the expulsion of the prose writer from Russia on one of "the philosophers' ships" in 1922, ideologically and stylistically correlate with the works of Yevgeny Zamyatin, Aleksey Remizov, Boris Pilnyak, Vsevolod Ivanov, Mikhail Bulgakov and other contemporaries.

Keywords: House of Writers, Viktor Iretskiy, Petrograd branch of Writers' Union of Russia, 1920s Russian literature, Russian Revolution theme.

For citation: Semenova M.G. The artistic originality of Viktor Iretskiy in the collections of Petersburg writers. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 4, pp. 76–80 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-4-76-80>

Имя писателя Виктора Яковлевича Ирецкого (1882–1936), оставившего яркий след в отечественной литературе начала XX в. [Поливанов, Чанцев: 423–424], практически не вписано в историю дореволюционной русской словесности. Художественному своеобразию отдельных произведений прозаика 1900–20-х гг. посвящено лишь несколько научных публикаций [Поливанов, Чанцев; Семенова 2018; Семенова 2021], хотя до депортации в 1922 г. Ирецкий вошел в круг заметных писателей первой трети XX в. Участник Дома литераторов и Петроградского отделения Союза писателей России, Ирецкий стал членом авторских коллективов двух художественных альманахов, изданных организациями в 1922 г., – «Петербургский сборник. Поэты и беллетристы» и «Северное утро. Петербургский сборник» [Литературная жизнь]. Обращение к его прозе начала 1920-х гг. продиктовано и стремлением изменить неверное представление о том, что революция и проблематика, связанная с ней, не нашли отражения в петербургском творчестве беллетриста [Поливанов, Чанцев: 424; Попов: 105]. Вместе с тем анализируемые тексты отразили неореалистические тенденции в творчестве писателя, включенного в литературные поиски 1910–20-х гг.: экспериментируя с типами повествования, он сформировал две тематико-стилистические линии своего творчества – «русскую» реалистическую прозу и стилизованную прозу, посвященную истории зарубежья [Семенова 2018].

Сборники 1922 г. продолжили гуманистические традиции дореволюционной культуры, отразили критическое отношение литераторов к хаосу революции. И предисловие первого альманаха – «Петербургский сборник. Поэты и беллетристы» – явилось своеобразным манифестом петроградских писателей, выразив намерение интеллигенции связать настоящее литературы с гонимым прошлым. В число «всех подлинных деятелей художественного слова, пребывающих в Петербурге, – поэтов и беллетристов, маститых и начинающих» [Петербургский сборник. Поэты и беллетристы: 3], выполняющих данную задачу (Г. Адамович, А. Ахматова, М. Кузмин, Н. Тихонов, В. Ходасевич, Е. Замятин, М. Зощенко, А. Ремизов и другие), был включен и Ирецкий.

Рассказ «Обида», отразивший главную идею книги о том, «что немисливо построить новое, грубо разрывая связь со старым» [Петербургский сборник: 3], по тематике и характеру отражения революционной эпохи сближается с другими произведениями сборника. Подобно Вс. Иванову («Лоскутное озеро»), Ирецкий изображает трагизм революционного быта и констатирует недостижимость утопических идеалов революции, как и В. Муйжель («Человек и картина»), рассуждает о бесценном даре жизни и сложном выборе между идеалами гуманизма и слу-

жением идее в смутное время. Мысль об абсурдности использования насилия для достижения справедливости сближает рассказ Ирецкого и сказки «Церковь Божия» и «Арапы» Замятина.

Произведение продолжает реалистическую линию творчества Ирецкого, развивая поднятую в ранних повестях автора тему влияния революции на жизнь семьи и воздействия антигуманистических политических тенденций на представителей старшего поколения. Изображая дом старика Прозорова, писатель словно создает образ дореволюционной России – его сильные, «кряжистые» сыновья обладают упрямым деловым характером и крепкими корнями. Внешняя безмятежность самого Прозорова обманчива: озабоченность судьбой Родины, переменившей жизненный уклад с началом Первой мировой войны и попавшей в хаос революции, завладела его разумом и породила страх смерти. Патриот одержим желанием узнать, чем «беззаконие» закончится. И эту «обиду» – революцию – Ирецкий изображает лишь парой кратких выразительных сцен, наполненных апокалипсическими чертами: «грабили среди бела дня, резали, в прорубь бросали, расстреливали...» [Петербургский сборник: 63].

Писатель, подобно А.А. Блоку, наполняет повествование о революционной стихии, сопровождаемой разбоем, фольклорными элементами. И если в поэме «Двенадцать» поэт передает атмосферу бунта тоническим типом стихосложения, свойственным народной песне [Жирмунский: 230], то Ирецкий цитирует пословицы, поговорки («...По пословице: была бы спина, найдется и вина», «...Где закон, тут и обид много» [Петербургский сборник: 63]). Так писатели сближаются в восприятии революции как стихии, понятной и близкой народу. Сюжет Ирецкого в духе современников – Б. Пильняка («Колымен-город», 1922), «Голый год», 1924), В. Иванова («Полая Арапия», 1922), М. Булгакова («Белая гвардия», 1925) – содержит мотивы цинизма и жестокости русского бунта, который оборачивается голодом, смертью, анархией, дегуманизацией общества, разрушением семейной преемственности, духовной связи с прошлым. Сцена нападения на дом героя создает Ирецким несколькими яркими штрихами, и в этом кратком, сохранившем динамизм сюжета описании угадываются контуры картин прозы Булгакова. Нежданные гости старика Прозорова, угрожавшие убийством, выстрелили «для остротки в икону Иверской Божией Матери и, не целясь, прямо Ей в уста» [Петербургский сборник: 64] попали. Святотатство сменяется чудом: революционеры оставили старика в живых. Потому приближающуюся смерть Прозоров считает несправедливой. Духом протеста наполнены его слова, обращенные к Всевышнему: «Разбойник помиловал, а Ты, Ты не хочешь! Где Твое Благоволение?» [Пе-

тербургский сборник: 66]. Уничтожившая святость ранее незыблемых истин сила революции воплощается в конце произведения – перед смертью старик не стремится к покаянию, но отрывается от Господа. Нехристианская кончина героя символизирует гибель прежней России, победу рожденного революцией духа вседозволенности над традициями отцов. Так, Ирецкий, описывая революционный быт в реалистическом ключе, осмысливает современность в контексте вневременных ценностей, живописует катастрофу уничтожения национальной самобытности, духовной связи русского человека с гуманистической культурой.

Альманах «Северное утро» объединил произведения писателей, идейно независимых от идеологии большевиков: поэзию А. Ахматовой, В. Рождественского, прозу Б. Пильняка, В. Шишкова, М. Левберг, В. Ирецкого. Писатели обращаются к теме русской и французской революций, затрагивая проблемы разрушения преемственности поколений одной семьи («Колымен-город» Б. Пильняка), борьбы сельских жителей с советской властью («Падучая» В. Шишкова), предательства под влиянием революционных идей («Бальтазар Пуль» М. Левберг).

Новеллы Ирецкого в духе стилизаций современников самобытны благодаря вниманию автора к историческим фактам. В отличие от Е. Замятина, А. Ремизова, М. Кузмина, писатель обращается исключительно к реальным событиям прошлого, чтобы, «раскрыв» малоизвестную страницу истории, выразить отношение к актуальным проблемам. Общая тема новелл и контекст – проза и поэзия иных авторов сборника, преимущественно посвященные революции, – указывают на то, что, кроме идеи о вечном конфликте творца и власти, в новеллах проступает и иной – скрытый – смысл. Своеобразие произведений обусловлено их жанром и определением Ирецкого «гравюры» – им свойственны видимая декоративность и лаконизм отражения реально произошедшей ситуации. Авторская оценка выражена лишь посредством отбора фактов, их интерпретации и упомянутым выше контекстом. Не вошедшие в сборник «Гравюры» (1921) новеллы написаны, скорее всего, в 1922 г., когда противостояние власти и петроградских писательских организаций приобретает острый характер.

Следуя собственной жанровой установке, подражая средневековым изображениям, Ирецкий создает портреты светских, религиозных деятелей и творцов. Так, эпизод из жизни придворного поэта Мануила Фила времен византийского правителя Андроника II Палеолога послужил основой произведения «Поэт». Стилизация усиливает ощущение достоверности истории. Она создается сочетанием пришедших из греческого языка архаизмов («пинкернов, коноставлов, протостраторов...») [Северное

утро: 29]] с предложениями, осложненными причастными и деепричастными оборотами, рядами однородных членов, которые поддерживают эффект размеренного возвышенного и наполненного историческими деталями повествования. События, отраженные Ирецким, происходили примерно с 1293 г. по 1345 г.: в тексте упоминаются документально подтвержденные факты биографии исторической личности – о связи Фила с древним дворянским византийским родом, его участии в заключении царского брака, о мастерстве сочинять панегирики, приводившем к получению покровительства знати. Автор ставит акцент на самоуничтожении «ученейшего поэта», «ритора, агиографа» [Северное утро: 31] в поисках признания и богатства – описанию его жалоб на бедность [Энциклопедический словарь: 858] посвящается центральная сцена новеллы. Преувеличивая трагизм своего положения, герой вызывает у деспота лишь «омерзение» [Северное утро: 30]. Автор подчеркивает, что благополучная жизнь и величие придворного певца после смерти приходят ценой жалкого существования и лжи, пускай и преобразующей действительность благодаря таланту писателя. Демонстрируя искажение личности поэта привычкой льстить, Ирецкий высказывает мысль о побеждающей несовершенство человека силе искусства: несмотря на испытываемую к благодетелям ненависть, «огонь мелочной злобы» Фила «превращался в молитву» [Северное утро: 28]. Порок творца, по мысли Ирецкого, даже против его воли питает искусство, тогда как порок власти уничтожает и священные дары. Последней идее автор посвящает вторую новеллу.

В «гравюре» «Дионисьева икона» Ирецкий, вероятно под влиянием стилизаций А. Ремизова и Е. Замятина, впервые обращается к эпизоду из русской истории. Атмосферу эпохи, стиль исторического документа создает «древнерусское» повествование, выраженное сочетанием архаичной лексики и распространенных синтаксических конструкций с использованием инверсии: «Тем часом келарь да большой подчашник, да четыре-надесять чернцов чудную икону принесли. <...> Дивный лик Пречистой мудрым живописцем преизящно был изображен» [Северное утро: 35]. Новелла описывает конфликт князя Федора Борисовича с игуменом Иосифом Волоцким [Казаков: 3], которому последний стремился положить конец, послав в дар противнику иконы Рублева и Дионисия [Скрынников: 24]. Как и в первой «гравюре», фактическая основа сюжета позволяет определить время действия: предметом изображения и интерпретации становятся события 1507–1509 гг. Воссоздавая сцену передачи иконы князю, писатель подчиняет исторически подтвержденный факт своей художественной задаче. Действие,

перенесенное на княжеский двор, развивается алогично: обладающая безусловной чистотой святыня, созданная «не по плотскому умыслу» [Северное утро: 35], искушает князя на мужеложство. Завершая новеллу описанием намерения супруги князя уничтожить образ, автор будто бы разрешает главный конфликт произведения – объясняет, как была утеряна одна из икон Дионисия. Однако мотив искушения в новелле Ирещкого контекстуально связан с темой конфликта интеллигенции и власти. С одной стороны, предмет искусства как результат свободного творчества – особенно в сопоставлении с панегириками Фила – не может стать жестом примирения с деспотом. С другой стороны, развращенная власть не способна оценить истинный смысл и ценность дара. Как видно, новеллы связаны идеей о том, что открытый диалог творца и власти обречен на неудачу. И картины прошлого иносказательно выражают мысль писателя об унижительном положении современных «придворных» льстецов, о порочности правителей, уничтожающих священное, и в то же время о непреходящем значении бесполезного, по мнению прагматиков, искусства.

Подвергнувшиеся критике советской печати в 1922 г. петроградские писательские организации и изданные ими книги были надолго вытеснены из истории литературы, как и творчество «контрреволюционера» Ирещкого [Литературная жизнь: 488, 528]. Однако малая проза беллетриста 1922 г. свидетельствует, что полузабытый сегодня писатель отразил непосредственные впечатления первых лет после революции в художественной форме и, наряду с писателями «первого» ряда (в терминологии Ю.Н. Тынянова [Тынянов]), выразил критическое отношение интеллигенции к происходившему в России 1917–22 гг. Благодаря включению в реалистическое повествование фольклорных мотивов, христианских образов и посредством экспериментов со стилизацией на материале истории Византии и Руси, литератор придал остросовременной проблематике вневременное значение. И, продолжив намеченные в раннем творчестве тематико-стилистические линии, Ирещкий в идейных и формальных поисках сблизился с более известными ныне современниками – М. Булгаковым, Е. Замятиным, В. Ивановым, М. Кузминым, Б. Пильняком, А. Ремизовым.

Список литературы

Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград: Наука, 1977. 407 с.

Казакон А.А. К предыстории конфликта князя Федора Борисовича Волоколамского с Иосифо-Волоцким монастырем: источниковедческий аспект // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2015. № 5–6. С. 3–13.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1, ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2006. 704 с.

Петербургский сборник. Поэты и беллетристы. Петроград: Летопись Дома литераторов, 1922. 126 с.

Поливанов К.М., Чанцев А.В. В.Я. Ирещкий // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: Г–К. Москва, 1992. Т. 2. С. 423–424.

Попов В.В. Ирещкий В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 т. Т. 2. Москва: Олма-Пресс Инвест, 2005. С. 105–106.

Северное утро: Петербургский альманах. Петроград: Государственная типография, 1922. 127 с.

Семенова М.Г. Забытый писатель В.Я. Ирещкий: судьба и творчество // Ломоносов-2018: материалы Междунар. молодеж. науч. форума. Москва: МАКС Пресс, 2018.

Семенова М.Г. Очерки В.Я. Ирещкого в контексте публицистики 1917–1918 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 53–61.

Скрынников Р.Г. Василий III. Иван Грозный. Москва: АСТ, 2008. 144 с.

Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Ленинград: Прибой, 1929. 596 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35А (70). Санкт-Петербург, 1902. 960 с.

References

Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, 1902, vol. 35A (70), 960 p. (In Russ.)

Kazakov A.A. *K predystorii konflikta kniazia Fiodora Borisovicha Volokolamskogo s Iosifo-volotskim monast'riom: istochnikovedcheskii aspekt* [To the Prehistory of the Conflict of Prince Fyodor Borisovich of Volokolamsk with the Iosifo-Volotsky Monastery: the Source aspect]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istorii* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 8, History], 2015, No. 5–6, pp. 3–13. (In Russ.)

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. T. 1. Ch. 2: Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [The literary life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of contemporaries. Bibliography. Vol. 1, p. 2: Moscow and Petrograd. 1921–1922]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006, 704 p. (In Russ.)

Peterburgskii sbornik. Poety i belletristy [St. Petersburg collection. Poets and fiction writers]. Petrograd, Letopis' Doma literatorov Publ., 1922, 126 p. (In Russ.)

Polivanov K.M., Chantsev A.V. *V.Ia. Iretskii* [V.Ya. Iretskiy]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar': G–K.* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary: G–K]. Moscow, 1992, vol. 2, pp. 423–424. (In Russ.)

Popov V.V. *Iretskii V.* [Iretsky V.] *Russkaia literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskii slovar'* [Russian literature of the 20th century. Prose writers, poets, playwrights. Biobibliographical dictionary]: in 3 vols. Vol. 2. Moscow, Olma-Press Invest Publ., 2005, pp. 105–106. (In Russ.)

Semenova M.G. *Ocherki V.Ia. Iretskogo v kontekste publitsistiki 1917–1918 gg.* [Essays by V.Ya. Iretskiy in the context of journalism 1917–1918]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, No. 468, pp. 53–61. (In Russ.)

Semenova M.G. *Zabytyi pisatel' V.Ia. Iretskii: sud'ba i tvorchestvo* [The forgotten writer V.Ya. Iretsky: fate and creative work]. *Lomonosov-2018: materialy Mezhdunar. molodezh. nauch. foruma* [Materials of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov-2018”]. Moscow, MAKS Press Publ., 2018. (In Russ.)

Severnoe utro: Peterburgskii al'manakh [Northern Morning: St. Petersburg Almanac]. Petrograd, Gosudarstvennaia tipografiia (State Typography) Publ., 1922, 127 p. (In Russ.)

Skrynnikov R.G. *Vasilii III. Ivan Groznyi* [Vasili III. Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publ., 2008, 144 p. (In Russ.)

Tynianov Iu.N. *Arkhaisty i novatory* [Archaists and innovators]. Leningrad, Priboi Publ., 1929, 596 p. (In Russ.)

Zhirmunskij V.M. *Teorija literatury. Pojetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 407 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 05.12.2022